

Его гладкий и чистый затылок был резко ударен согнутым пальцем. Маленький монах, почувствовав боль, схватился за голову, а кисть с золотой краской скатилась с крыши и была поймана человеком внизу.

У Нянь, появившийся на крыше без предупреждения, выглянул из-за спины Чэнь И, спрыгнул вниз и в мгновение ока оказался перед Сы Хуаем. Он протянул свою чистую руку и с улыбкой сказал:

— Мой ученик немного шаловлив. Спасибо, господин Хуай.

Его рука была стройной и длинной, с тонкой мозолью на указательном пальце, вероятно, из-за долгого перебирания четок. Она была точь-в-точь как та, что держала его триста лет назад.

Сы Хуай с трудом сдержал желание схватить эту руку, передал кисть и, случайно коснувшись теплой ладони, почувствовал, как в его сердце поднялась буря.

— Господин Хуай, что-то не так?

— А... ничего... Просто подул холодный ветер. Кажется, барышня Мэй скоро появится. Почему в саду только вы двое, где остальные?

— Ничего страшного. Мы просто используем золотую краску для написания сутр, чтобы отпугнуть злых духов. Они не смогут помочь. Обычно призраки появляются в полночь, еще рано. Не хотите ли чаю?

В глазах Сы Хуая мелькнул свет, и он с напускным смирением кивнул:

— Как раз почувствовал жажду.

— Шифу! Шифу! Я еще не закончил! — Маленький монах на крыше, увидев, что они уходят, поспешно поднялся и, выглядывая вниз, вдруг получил удар чем-то, что упало прямо ему на колени. Золотая краска оставила пятно на его серой рясе, выглядевшее довольно неопрятно.

Чэнь И потянул за испачканную одежду, посмотрел на удаляющихся двоих и, вспомнив о восьми гробах под крышей, почувствовал себя ответственным. Он быстро обмакнул кисть и продолжил писать сутры.

Комната У Няня, где останавливались многие практикующие, была просто обставлена. Чай на столе был приготовлен служанкой семьи Мэй раньше и уже остыл.

Монах в широкой серой рясе быстро вышел и вскоре вернулся с тяжелым набором для чаепития. Расставив все на деревянном столе, он начал спокойно заваривать чай.

В его дорожной сумке было всего несколько простых одежд и сухой паек. Чайник и чашки он, естественно, взял из кухни. Треск угля в летний зной не вызывал дискомфорта, а, наоборот, добавлял уюта и спокойствия в эту скромную комнату.

Чай пили до тех пор, пока луна не поднялась над бамбуком. Еще не время было ложиться спать, но снаружи было непривычно тихо. Видимо, слуги, испугавшись, спрятались в своих комнатах.

Сы Хуай, опершись на край стола, глядя на яркую луну за окном, спросил:

— Учитель, ваше монашеское имя «У Нянь» означает, что у вас нет привязанностей к мирской

жизни?

— Нет. — У Нянь покачал головой, погасил угли в чайнике остатками чая и медленно сказал:

— Наоборот, мое имя означает «в этом бескрайнем мире есть то, что я помню».

— О? — Сы Хуай повернулся к нему. Этот монах не был похож на обычных круглолицых и ширококотелых старых монахов с грустными лицами. Он был белокожим, с тонкими чертами лица. Если бы у него были волосы, он бы выглядел как красивый молодой человек.

— Монахи отрекаются от чувств и желаний, стремятся к чистоте. Учитель, у вас все еще есть привязанности в этом мире?

— В жизни есть не только любовь и желания. Монахи отрекаются от мирских дел, но рождение, старение, болезнь и смерть — это тоже заботы. Старшие и младшие в монастыре — это тоже заботы. Путешествуя по свету, как добыть еду, чтобы не голодать, — это ежедневная забота. Только те, кто достиг просветления в пагоде, могут быть свободны от привязанностей.

Сы Хуай пристально смотрел на него, внутренне смеясь. Это действительно был его перерожденный, такой же серьезный, как и в прошлом.

Возможно, его взгляд был слишком сосредоточен, и У Нянь почувствовал себя неловко. Он потер свою лысую голову, кашлянул и с улыбкой сказал:

— На самом деле, в нашем монастыре есть книга с именами. Мое поколение — это «У». Когда мой учитель давал мне имя, он открыл страницу на слове «Нянь», и так меня назвали. Все остальное я придумал. Хотя монахи не должны лгать, в наше время мало кто соблюдает правила. Просто чтобы выжить.

В его голосе была едва уловимая грусть. Сы Хуай улыбнулся, но ничего не сказал. Никто, кроме него, кто видел расцвет буддизма триста лет назад, не знал, насколько величественны были тогда монастыри и как строго соблюдались правила.

— Кстати, я тоже хочу спросить, господин Хуай, что означает ваше второе имя «Ци Чжоу»?

— Эти слова были даны мне старым другом. Я родился на берегу реки Хуай, и мое имя «Хуай». «Ци Чжоу» означает «молиться, чтобы на реке Хуай могли ходить лодки», символизируя мир и процветание страны.

— Амитофо. — У Нянь неожиданно произнес молитву и с уважением сказал:

— Видимо, вы и ваш друг — люди с большими устремлениями. Почему бы вам не стать чиновником?

Почему бы не стать чиновником? Сы Хуай смотрел на лицо, идентичное Лин Цзюню из прошлой жизни, и думал: «Потому что этот дурак давно побрил голову и стал сострадательным монахом».

Такую мысль нельзя было высказать У Няню, с которым он только что познакомился. Сы Хуай лихорадочно искал, как придумать грустную историю о «друге, который умер, не осуществив своих мечтаний», как вдруг услышал крик Чэнь И.

Холодный ветер проник через щель в двери, и незапертая дверь скрипнула, открывшись.

Вокруг комнаты раздалась стучи в стены, сопровождаемые странной, призрачной песней.

У Нянь и Сы Хуай посмотрели друг на друга и одновременно отклонились назад. С крыши упал большой клок черных волос женщины!

Сы Хуай нащупал на себе три серебряных гвоздя и вонзил их в волосы, пригвоздив их к столу. Что-то под волосами зашевелилось и быстро скользнуло по полу, убегая.

Мимо пронесся ветер, и У Нянь схватил метлу у двери и бросился в погоню. Его широкая серая ряса развевалась, как крылья неуклюжей бабочки, а его лысая голова блестела в лунном свете.

В памяти Сы Хуая всплыл образ Лин Цзюня триста лет назад, держащего посох Бицзюэ и одетого в пурпурную рясу. Этот перерожденный был... совсем другим.

Сы Хуай вытащил веер «Летающие цветы, догоняющие луну» из-за пояса, крикнул:

— Осторожно!

— и бросился вслед.

Практикующие в саду тоже услышали шум и уже вступили в схватку с «барышней Мэй».

Если это можно было назвать схваткой. Они просто метались вокруг красного призрачного силуэта, размахивая мечами. Разноцветные вспышки духовной энергии летели во все стороны, но ни одна не попала в призрака.

С такими способностями неудивительно, что они не могли поймать призрака несколько месяцев. Самым надежным оказался маленький Чэнь И, который выглядел таким пугливым.

Сы Хуай мысленно посмеялся, но остановился на крыше, заняв удобную позицию для наблюдения.

Чэнь И сел на землю, держа в руках кисть с золотой краской, которой он писал сутры вечером. Закрыв глаза, он спокойно начал читать молитву.

Кисть словно активировалась и начала медленно вращаться в его руках. Сутры, написанные вокруг, засветились золотым светом. На стенах, деревьях, ступенях и резьбе появились крошечные санскритские символы, образуя невидимую стену, которая заключила призрачный силуэт внутри.

Злые духи инстинктивно боятся этого света, и дух барышни Мэй не был исключением. Если раньше она свободно перемещалась среди мечей практикующих, то теперь, словно птица в сети, издала странный крик и приняла форму под золотым светом.

Холодный ветер развевал длинные волосы призрака. Ее мертвенно-бледное лицо под луной было неестественно белым, глаза светились красным, а щеки были густо накрашены, что придавало ей странно праздничный вид.

Авторское примечание:

Обнаружил, что одно слово было заблокировано на сайте-источнике, исправил.

Катается по полу, умоляя оставлять комментарии и добавлять в закладки (>_

<http://bllate.org/book/16805/1545755>